Русакова О. Ф.

ДЕЦИЗИОНИЗМ КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ КОНСЕРВАТИВНОГО ДИСКУРСА К. ШМИТТА

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

Карл Шмитт – известный немецкий политический философ консервативного типа, который прославился своей дуалистической моделью сферы политического, критикой либерализма и парламентской демократии, апологетикой сильной власти и приверженностью к решительной политической деятельности.

Политико-философские взгляды К. Шмитта приобрели широкую известность в 20-е годы прошлого века, когда вышли в свет такие его работы как «Диктатура» (1921 г.), «Политическая теология» (1922 г.), «Римский католицизм и политическая форма» (1923 г.), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923 г.), «Понятие политического» (1927 г.). Именно в это время Шмитт формулирует главные постулаты своей политической философии, к которым, в первую очередь, относятся: учение о сильной суверенной власти и типах диктатуры, концепция теологическая концепция происхождения государства, дихотомический конструкт «друг-враг» как критерий политического. При всем разнообразии политико-философской проблематики, рассматриваемой Шмиттом, базовым концептом его теоретических построений выступает *концепт децизионизма*.

Понятие децизионизма образовано от введенного в оборот Шмиттом термина «Dezision», который, в свою очередь, происходит от латинского термина «decisio» («я решаю»), означающего принятие ответственной инстанцией окончательного, не подлежащего дальнейшему обсуждению, политического решения по тому или иному вопросу.

По сути, под понятием «Dezision» Шмитт подразумевал наличие сильной политической воли, способной в условиях кризиса и при чрезвычайных обстоятельствах действовать решительно, прини-

мая безотлагательные и ответственные решения, прекращая тем самым всякие политические дискуссии и баталии.

Концепт децизионизма лежит в основе теории суверена, представленной в работе «Политическая теология», которая имеет подзаголовок – «Четыре главы к учению о суверенитете». Первая глава посвящена анализу понятия «суверенитет»; вторая – критике либеральных концепций суверенитета, представленных в работах таких видных либеральных теоретиков государства и права как Кельзен, Крабе и Вольцендорф; третья – основам и ключевым вопросам политической теологии; четвертая – зарождению и обоснованию теории политического децизионизма.

По мнению Шмитта, первым, кто включил в понятие суверенитета элемент *Dezision*, был Боден. Именно он стоял у истоков теоретической традиции децизионизма. Первый тезис концепции децизионизма гласит: суверен это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении¹. Под чрезвычайным положением Шмитт имеет в виду не систему чрезвычайных мер или постановление об их введении, а саму пограничную ситуацию в существовании государства, когда возникает реальная угроза его системного краха. Именно в таких условиях особенно важна способность принимать ответственные политические решения. Сувереном следует считать того, кто в состоянии решать, может ли быть приостановлено действие закона, если того требует чрезвычайное положение. Суверен как субъект государственного суверенитета обладает монополией последнего решения. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка, но при этом принадлежит ему, «ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»².

По Шмитту, такие понятия как «суверен» и «суверенитет» неразрывно связаны с принятием в условиях чрезвычайных, исключительных, судьбоносных для жизни государства решений. Именно в этом состоит сущность государственного суверенитета. Другими словами, государство демонстрирует свой суверенитет в ситуациях исключительных, когда прерывается нормальный,

обыденный поток жизни. При этом происходит усиление жизненной энергии, что явно приветствуется Шмиттом. Исключение, отмечает он, интереснее нормального случая. «В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики». Исключение мыслит всеобщее с энергической страстностью³.

В конце 1920-х годов Шмитт, опираясь на концепт децизионизма, станен главным идеологом и разработчиком правовой базы введения чрезвычайного положения в Германии и займет, благодаря своей инициативе по данному вопросу, высокую должность госсекретаря «президентского кабинета» Папена⁴.

В эпоху государственного кризиса, по убеждению Шмитта, неуместен нормативный подход к проблемам регулирования социальной жизни. Те, кто стоят на позиции нормативизма, теряются перед лицом экстремального случая. Поэтому нормативный подход должен быть заменен децизионистским. Нормативное право должно отойти на задний план. Возникающее при этом положение нельзя назвать ни хаосом, ни анархией. Данное положение – это не правопорядок, а новый порядок. В условиях нового порядка политическое решение освобождается от нормативной связанности и приобретает характер абсолютного решения. Приостановка действия правовых норм Шмитт объясняет необходимостью самосохранения государства перед угрозой хаоса. В ходе своих рассуждений Шмитт отмечает: норма нуждается в гомогенной среде, не существует нормы, которая была бы применима к хаосу⁵.

Монополия суверена на принятие ответственного решения в исключительных ситуациях, требующих выхода за нормы права, ассоциируется у Шмитта с идеей монархизма, которая в условиях кризиса роялизма перерастает в идею диктатуры. С окончанием эпохи роялизма децизионалистское мышление закономерно приходит к идеи диктатуры⁶.

В процессе теоретической разработки концепта децизионизма Шмитт обращается к творчеству консервативных политических философов, таких как де Местр, Бональд, Доносо Картес. По мнению Шмитта, центральное место в их консервативном мышлении периода между революциями 1789 и 1848 гг. занимает понятие *Dezision*⁷. Консервативные идеи де Местра рассматриваются сквозь призму обозначенных им ценностей государства и Церкви, как инстанций, принимающих

судьбоносные решения. Ценность государства, согласно де Местру, состоит в том, что оно принимает решения. Ценность Церкви заключается в том, что ее решения не подлежат обжалованию⁸. Главное заключается в том, чтобы вопрос был решен безотлагательно и бесповоротно. В этом суть власти политического авторитета как суверена. К такому же выводу пришел испанский католический философ государства Доносо Кортес.

К. Шмитт разделяет позицию Доносо Кортеса, согласно которой буржуазный дискуссионно-парламентский либерализм противопоставляется борьбе за принятие авторитарного решения. Более того, Кортес определяет буржуазию как «дискутирующий класс» (*una clase discutidora*), который уклоняется от принятия окончательного решения⁹.

Либеральная буржуазия, согласно Шмитту, представляет собой класс, который переносит всю политическую активность в говорение, в прессу и парламент, то есть в дискурс. Дискурс, распространяемый в форме культа свободы слова и печати, выступает своеобразной «религией» буржуазного либерализма¹⁰. Альтернативой дискуссионного буржуазно-парламентского дискурса, по Шмитту, выступает диктатура. Диктатура предполагает недискутирующую репрезентативную речь, которая содержит решение большой жизненной значимости¹¹.

Разработка концепта децизионизма логически приводит Шмитта к обращению к идеям Г. Моска о формах радикальных решений, которые являются средствами против недостатков либеральной парламентской системы. В качестве таких форм выступают диктаторские режимы в виде диктатуры пролетариата, диктатуры бюрократии, диктатуры организаций синдикатов.

Особый интерес у Шмитта вызывает синдикалистская диктатура как один из вариантов воплощения концепции децизионизма. В этой связи Шмитт обращается к политическому творчеству Жоржа Сореля – идеолога социалистического синдикализма, который предпринял попытку соединения теории жизни Бергсона с марксизмом и бакунизмом.

В политической философии Сореля Шмитта привлекает в первую очередь идея жизненной, инстинктивной силы масс, идея творческого пролетарского активизма, выражающаяся в способности к решительному применению силы, пафос энтузиазма, культивирование героического мифа о миссии пролетариата, о новом справедливом мире. Шмитт

отмечает: «Из глубины подлинных жизненных инстинктов, не из разумных суждений или соображений целесообразности, возникает великий энтузиазм, великое моральное решение *Dezision* и великий миф. В непосредственной интуиции воодушевленная масса создает мифический образ, который увлекает вперед ее энергию и дает ей силу мученичества и решимость применить силу. Только так народ или класс становится мотором мировой истории»¹².

Современная буржуазия, считает Шмитт, лишена витальной силы и совершенно деградировала от страха потерять свои деньги и собственность. Она морально расшатана скептицизмом, релятивизмом и парламентаризмом. Работа в парламенте подтачивает энтузиазм путем болтовни и интриг, убивает подлинные инстинкты и интуиции, из коих исходит *Dezision*¹³.

Как политическая теория и политическая практика либерализм, по его мнению, является системой уклонения от принятия решений, системой компромиссов и отсрочек, годной для спокойных и ровных времен. Вместо точного и конкретного ответа на злободневный вопрос, принимается парламентское решение об отсрочке или об учреждении комиссии по расследованию.

Концепт децизионизма логически связан у Шмитта с его теорией политического. В знаменитой работе «Понятие политического» политическое рассматривается как умение «различать друга и врага». При этом важнейшим признаком суверенного государства как организованного целостного единства является способность принимать решение относительно того, кто его враг, а кто друг. Решение данного рода свидетельствует о высокой интенсивности социальных отношений. Там, где люди интенсивно связаны или разобщены друг с другом, там мы имеем в наличии высшую форму политического, а, следовательно, борьбу жизненно важных интересов «своих» и «чужих»¹⁴.

Иначе говоря, феномен политического рождается в процессе децизионистского акта суверена, определяющего для нации, каковы ее друзья и враги. Право определять друга и врага – суть политической экзистенции и высшая точка политического децизионизма. В наиболее интенсивной форме данное право осуществляется в объявлении войны с обозначенным врагом и в мобилизации граждан на борьбу

с ним. В том случае, когда какое-либо государство позволяет, чтобы другие субъекты определяли, кто его друзья, а кто враги и как с ними бороться, то оно больше не является суверенным государством¹⁵.

В первой половине 1930-х гг., в период своего сотрудничества с нацистами Шмитт, активно работая над доктриной «новой Германии» и планом введения чрезвычайного положения, дополняет свою концепцию децизионизма новым теоретическим построением – учением о «мышлении конкретного порядка и образа действий». Главная цель «мышления конкретного порядка» – установление правового порядка особого рода. По Шмитту, новое мышление имеет три интеллектуальных источника: нормативизм, децизионизм и теория «мышления конкретного порядка и образа действия»¹⁶. Децизионизм в условиях нового порядка становится тотальным, ничем не ограниченным, правом суверена определять врагов и друзей государства, мобилизовывать народ на борьбу с врагами.

Национал-социалистическое государство рассматривается Шмиттом в качестве политической модели нового правового децизионизма и нового мышления конкретного порядка. При этом фюрер представляется гарантом государственного единства и защитником нового права. В статье с говорящим названием «Фюрер защищает право» (1934 г.) Шмитт выступает против либеральной идеи правового государства, которая, по его мнению, привела к ослаблению борьбы против внутренних и внешних врагов Германии в годы первой мировой войны и в период Веймарской республики. Более того, употребление формулы «правовое государство» либералами, парламентариями, а также клерикалами и представителями левых сил, согласно Шмитту, следует рассматривать не иначе как прием антигерманской пропаганды, используемый внутренними врагами Германии. В результате данной пропаганды подлинное немецкое право и чувство чести потерпели крах.

Спасение и нравственное возрождение нации Шмитт увидел в вождистском децизионизме Гитлера: «Все нравственное возмущение позором подобного краха сконцентрировалось в Адольфе Гитлере и стало в нем движущей силой политического действия»¹⁷. Знание врага и понимание уроков истории, по мнению Шмитта, дает Гитлеру право и силу для обоснования нового государства и ново-

го порядка. У фюрера также есть право своей силой вождя выступать в роли высшей судебной инстанции, высшего судебного главы народа: «Подлинный вождь всегда также является судьей. Из вождизма вытекает судебная власть. Тот, кто желает отделить одно от другого или даже противопоставить их, превращает судью или в альтернативного вождя, или в инструмент альтернативного вождя и пытается свергнуть государство при помощи юстиции. Это часто опробованное средство не только разрушения государства, но и разрушения права»¹⁸. При Гитлере немецкое государство, по словам Шмитта, «имеет силу и волю для различения друга и врага»¹⁹. Германия, утверждает он, не должна принести свое политическое существование в жертву идолам либерализма. Немецкий народ должен подготовиться к великой духовной борьбе, чтобы защитить новое право и новый порядок.

Концепт децизионизма неявно присутствует и в поздних работах Шмитта, к примеру, в его книге «Теория партизана», написанной в 1963 году. Партизан для Шмитта выступает символической фигурой революционной борьбы и сопротивления. Образ партизана олицетворяют такие харизматические фигуры как Мао Цзедун, Хо Ши Мин, Фидель Кастро.

В XX веке партизан становится некой независимой политической силой, которая защищает свое право на ведение народной войны. Партизан – это воплощение силы, способной самостоятельно принимать решения относительно своего врага, неповиноваться закону и прерывать ткань легальности. Децизионизм партизана трактуется Шмиттом как дело сугубо политическое, поскольку партизан действует в ситуации экстремальной, поскольку враг им четко определен и поскольку в целях борьбы с ним обретается право на переход к нелегальным действиям. В партизанской вражде, отмечает Шмитт, незаконное действие находит свое право, свой правовой смысл²⁰.

Партизан обладает особыми отличительными чертами и особой техникой ведения подрывных действий. Шмитт выделяет четыре критерия, по которым можно распознать партизана. К таковым относятся: нерегулярность военных действий; повышенная мобильность активного боя; интенсивная политическая ангажированность; теллургизм (почвенность, защита своей Земли).

В итоге фигура партизана выступает у Шмитта в качестве активного политического субъекта, претендующего на суверенитет народа и способного от его имени принимать ответственные политические решения, касающиеся определения врага и ведения против него партизанской нелегальной борьбы.

В настоящее время концепт децизионизма в превращенной форме содержится в современных правых идеологиях, провозглашающих необходимость консервативной революции для преодоления неолиберальных и неомарксистских трендов в политическом дискурсе. Это относится и к идеологическим процессам России, где неоевразийская риторика приобретает широкий масштаб. Не секрет, что именно неоевразийство сегодня активно продвигает идею Евразии как социокультурного и духовного пространства, наделенного сильным волевым и энергетическим началом, способным осуществить глобальную геополитическую революцию и установить новый мировой порядок.

Литература:

1. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключ. Статья и составление А. Филиппова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 15.
2. Там же. С. 17.
3. Там же. С. 28.
4. См.: Гайда А.В., Максutow А.Б. Теология власти. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 81–82.
5. Шмитт К. Политическая теология... С. 26.
6. Там же. С. 78.
7. Там же. С. 80.
8. Там же. С. 82.
9. Там же. С. 88.
10. Там же. С. 93.
11. Там же. С. 132.
12. Там же. С. 241.
13. Там же. С. 246.
14. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 39–46.
15. Там же. С. 52–53.
16. См.: Гайда А.В., Максutow А.Б. Теология власти. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С.133–134.
17. Шмитт К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 264.
18. Там же. С. 264–265.
19. Там же. С. 270.
20. Шмитт К. Теория партизана. – Электронный ресурс: www.velesova-sloboda.org/polit/Schmitt-teoriya-partizana.html.